

Елена Фиштик
SARA

Во время войны законы молчат

Елена Фиштик
SARA. Во время
войны законы молчат

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24916167
ISBN 9785448546037*

Аннотация

Роман «SARA» о суровой судьбе молодой девушки Сары, которая в свои шестнадцать лет прошла адский путь трех концентрационных лагерей во время Второй мировой войны 1939—1945 г. и чудом выжила. В лагере Берген-Бельзен, судьба Сары пересеклась с судьбой Анны Франк, которая умерла от сыпного тифа, но после посмертной публикации ее дневника, она стала символом всех евреев, убитых во время Второй мировой войны. Роман написан по рассказам Стэфани Хельблинг, дополненных творческим вымыслом автора.

Содержание

Посвящается	5
Июль 2013 года	7
Глава 1	11
Глава 2. Львов	35
Глава 3. Война	44
Глава 4. Предписание	60
Глава 5. Семья Хельблинг	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

SARA
Во время войны
законы молчат

Елена Фиштик

© Елена Фиштик, 2017

ISBN 978-5-4485-4603-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается

*Стефани Хельблинг, а так же моим родителям
Фиштик Владимиру Александровичу и Нине Афанасьевне,
родившимся накануне Второй мировой войны и хлебнув-
шим голод и холод, страх и ужас, преследовавшие их все эти
жуткие годы войны.*

Так же я посвящаю роман моим бабушкам Марии и Елене, дедушкам Афанасию и Александру, прошедшим этот страшный путь, сохранив честь и достоинство, спасая своих детей и всему человечеству!

*Глубочайшая истина есть
порождение глубочайшей любви
Г. Гейне*

Картина Е. Фиштик

Июль 2013 года

Я, волей обстоятельств, оказалась во Флориде.

Хотя, собиралась предпринять эту поездку немного позднее, ведь здесь живет моя сестра Ната с семьей.

Я стараюсь почаще их навещать, хоть и живу довольно далеко – в Москве.

Утреннее солнце ласково греет мои плечи, океан с нежностью ласкает мои ноги, волна за волной спешит мне навстречу, ведь мы всегда рады друг другу, я люблю с ним говорить и молчать, я люблю бродить по белому песку, безупречного берега огромнейшего и мощнейшего живого организма, я люблю с ним вместе мечтать.

Когда я загрущу, океан обязательно меня взбодрит и успокоит.

Кажется, что он все про меня знает, он все чувствует, и мне рядом с ним так хорошо!

Сегодня я брожу по побережью и обдумываю написание книги о преданности и любви.

Эту книгу я задумала написать уже давно, но, как это часто бывает, к конкретным действиям мы приступаем лишь тогда, когда созреем окончательно, или когда обстоятельства подвигнут нас к этому.

В моем случае и то и другое вместе.

Историю, которую я хочу вам поведать, трудно придумать, это не вымышленная история, хотя, как в любом романе, здесь присутствует довольно много моей фантазии.

Передо мной сидит пожилая, но элегантная, миссис Стэфани Хельблинг.

Она давно живет во Флориде, куда переехала из любимого Нью-Йорка, вслед за своими сыновьями.

Стэфани – изящная дама преклонных лет, всегда одета с большим вкусом, на грани стилей – между сдержанным классическим и экстравагантным.

Всегда приятно смотреть на ее жесты, манеру общения.

Невероятное и поразительное умение быть одновременно по-королевски превосходной, и в то же время, совершенно искренней и простой.

Это подкупило меня уже давно, мы знакомы много лет, но я не перестаю удивляться и восхищаться ею.

Именно о таких людях пишут книги.

Об их жизненном опыте, о трудностях и невзгодах, о потерях и завоеваниях, о прекрасной и вечной любви, о красоте внутренней и внешней.

Надо сказать, что рассказ этот начался уже давно, сразу после знакомства со Стэфани.

Тогда, я просто была сторонним слушателем, Стэфани рисовала картину своей жизни моей маме – Нине, у них удивительно теплые и неподдельно искренние отношения.

А в этот мой визит во Флориду, Стэфани охотно согласилась встретиться со мной, для обсуждения будущей книги, она готова поведать миру историю большой любви, которую она пронесла через сверх испытания, и не утратила ее по сей день.

Ее лицо стало напряженным, и она предалась воспоминаниям.

Я наблюдаю за ее изящными жестами и внимательно слушаю рассказ девяностолетней женщины.

Ах, да, необходимо сказать как мы с ней познакомились. Мы, в некотором роде, родственники.

Стэфани – мама Марка, супруга моей сестры, Натальи.

Пожалуй, достаточно для предисловия.

Воспоминания Стэфани унесли ее в далекие сороковые годы двадцатого века, это самые страшные, и вместе с тем,

самые знаковые, для нее, годы.

Тогда еще ее звали Сарой Авербах, и ей было всего шестнадцать.

Глава 1

«Бог существует, ибо Он необходим.»

Спиноза

– Сара, давай быстрее, корабль нас ждать не будет.

– Я уже почти готова, мама. А где Борис?

– Брат уже выносит вещи на крыльцо, пожалуйста, поторопись.

Сара выбежала из своей комнаты со следами слез на глазах.

Она пыталась их скрыть, но от мамы ничего не утаишь.

– Ой-ой-ой! – Эмма развела руками.

– Мама я не хочу в Польшу. Ну почему именно Борьку отправили во Львов на работу, будто бы больше нет физкультурников в нашем городе, – воскликнула Сара, обиженно надув маленькие губки, добавив, – ну хотя бы Маня с нами тоже поехала, я так буду скучать по сестре.

– Деточка моя, у Мани – семья. Ты ведь прекрасно знаешь, что Мося не может бросить свою парикмахерскую.

– А почему?

– Сара, его бизнес хорошо идет. Да и вообще, Моисей, «маменькин сыночек» – они его не отпустят.

– А ты что, скучать по Мане не будешь?

– И по Манечке и по внуку, по моему маленькому Изе, я

буду очень и очень скучать, но что делать!?!.. – Эмма отвернулась, что бы скрыть, навернувшиеся слезы.

– Мамочка, успокойся, – плача, обнимая маму за талию, просила Сара.

– Доченька, и ты не плачь, все будет хорошо, надо же понимать, раз партия послала именно Борю, значит, именно он там нужен, именно его знания, а ты полюбишь Львов, мы любим, так же, как свой родной город, Запорожье. У тебя появятся новые подруги, – Эмма заботливо прижала к себе дочь и погладила по шикарной волнистой шевелюре волос.

Шелковые пряди раскинулись по плечам молоденькой, и невероятно миловидной девушки. Она всегда очень гордилась своими волосами.

– А у Мани семья, она никак не может ехать с нами, – продолжила мама.

– Да, я все понимаю.

Именно в этот момент Сара почувствовала как закончилось ее детство и она вступила в новую, взрослую жизнь.

Ей предстояло, не только сменить город проживания!

Ей предстояло познать все, самые полярные стороны жизни.

И никто из них не мог знать, что их ждет впереди.

Лето 1940 года

Дорога предстояла длинная.

Судно направлялось по Днепру в Киев.

Пассажиры расположились прямо на полу трюма, было довольно тесно, но Борис нашел укромный уголок, где Сара и мама могли устроиться немного поудобнее.

Рядом полулежала беременная молодая женщина.

У нее было перепуганное лицо, она, то и дело, руками защищала большой живот от толкотни, казалось, она родит прямо сейчас.

Эмма улыбнулась ей подбадривающей улыбкой и поздоровалась, Сара скопировала мамино поведение, хотя ей было не по себе.

Клумки, котомки, сумки, мешки, люди, все перемешалось, крик, визг детей, слезы прощающихся, громкие возгласы приветствия, случайно встретившихся знакомых, стон старушки, с трудом поднимающейся по трапу, матросы, заканчивающие последние приготовления к отплытию, мощный гудок, и вот судно медленно сдвигается с места.

На пирсе провожающие машут неистово своим близким, на судне машут ответно, слышны последние наставления, картинка пирса постепенно становится все меньше, вот уже

и вовсе удаляется, и пропадает, пропадает...

Товарное судно, иногда перевозившее и людей, медленно набирало ход, оно увлекало Сару с мамой и братом Борисом, в полное неведомое.

И это пугало молодую девушку.

Она боялась, не только за себя, но и за брата, и за маму, так рано ставшую вдовой.

Сара часто просила маму рассказать об отце, ведь он умер, когда Саре не было и пяти лет.

Конечно, она помнила некоторые моменты, когда папа играл с ней в самодельные игрушки, когда он читал ей книжки, которые приносил из типографии, где проработал всю жизнь, и которая принесла ему смерть – вредные, для его легких химикаты, образовали огромную раковую опухоль, убившую его.

Сара помнила даже свои вопросы, которые задавала папе:

– Папа, а правда, что Иисус был евреем?

– Правда, доченька. Тогда все были евреями – время было такое, – хотя и не был религиозным ее отец никогда, более того, он был ярым коммунистам.

– Папа, а Сёма, сказал, что Бог живет наверху.

– Да, доча, твой друг прав, Бог живет наверху, – и мысленно самому себе добавил, – а мучает внизу.

Вообще отец Сары, был кладезью пословиц и поговорок, впрочем, как и весь еврейский народ.

Они мудры уже в утробе матери.

Недаром существует еврейское изречение: «Еврей рождается старым».

После смерти отца, Исаака, Борис стал полностью опорой семьи.

Еще с детства он отличался большой ответственностью, аккуратностью, и очень любил заботиться обо всех.

Его никогда не надо было просить о помощи, или заставлять, умолять что-либо сделать, у него в крови было благородство.

Имя – Борис, он взял себе сам, когда ему исполнилось восемнадцать лет, а до того он был – Зяма.

Эта история тоже очень показательна и говорит о качествах его натуры.

У Зямы был любимый двоюродный брат Боря.

Они были очень дружны.

Борис погиб в раннем возрасте.

Очень странная и загадочная смерть.

Друзья и знакомые много говорили о предстоящем солнечном затмении.

Настал этот день.

Борис, как и очень многие, вышел на улицу, более часа провел во дворе, разглядывая небо.

Он наблюдал, как диск Луны медленно закрывает диск Солнца — это красивое новообразование приводило его в восторг.

Небо потемнело и на нем появились яркие звезды.

И вдруг, он увидел вокруг, уже скрытого Луной солнечного диска, яркую солнечную корону.

Ощущения были непередаваемые.

Это продолжалось всего несколько минут, но Борису этого хватило.

Он, как-будто что-то очень важное открыл для себя.

Как-будто узнал Великую Тайну.

Его лицо было спокойным и невозмутимым.

Он посмотрел еще раз в небо, улыбнулся, вернулся домой, лег в постель и... умер.

Такая загадочная смерть молодого и здорового парня, потрясла всю семью, а Зяма, замкнулся на несколько дней, он не мог ни с кем общаться, и по прошествии стресса объявил всем, что в память о любимом брате берет его имя.

Отныне, он Борис.

Трюм был заполнен донельзя.

Люди сидели, лежали и стояли, скучаяще позевывая.

Беременную соседку Сары по трюму звали Марией.

Она ехала к родителям в Киев рожать, потому что, ее мужа забрали в армию.

Ей было страшно, ведь срок уже почти пришел, но еще страшнее остаться одной в Запорожье, где нет родных совсем, где не откуда ждать помощи, а ведь это первый ребенок: как, что, каким образом, опыта нет, даже угла своего нет, вот и решилась Мария на такой отчаянный шаг.

Первые сутки пути были спокойными.

Стояла хорошая погода.

Пассажиров кормили и поили, еда – ни бог весть какая, но все же сносная.

Сара много времени проводила на палубе, разглядывая сменяющиеся картинки природы.

Там, на берегу, густые деревья, ярко подсвеченные солнечными лучами, нежно покачивались на ветру, как бы взмахивая своими ветвями на прощание.

По другую сторону Днепра, слышны были голоса детей, они приветственно встречали очередное судно, и тут же с ним прощались.

Близились ночь: фантастический закат солнца, птичий щебет, доносившийся с берегов Днепра, тихая колыбельная песня для маленькой девчушки, ровная гладь воды и тени

деревьев, отражающиеся в ней, – все это так успокаивало Сару, так умиротворило...

День за днем, ночь за ночью, судно медленно приближалось к конечному пункту.

Пошел седьмой, последний день пути, уже наступили сумерки, как вдруг загремело в небе, засверкали молнии, и хлынул проливной дождь.

Судно оказалось настолько худым, что мгновенно это да-ло о себе знать: с молниеносной скоростью вода стала проникать в трюм, люди заволновались, от сильного ветра, корабль качало из стороны в сторону, и невозможно было удержаться на ногах, а сидеть дальше на полу трюма, еще невозможнее, так как вода быстро прибывала, и все вещи: котомки, чемоданы, мешки, сумки, буквально все уже было под водой.

Всех охватила паника.

Люди метались по кораблю, никто не знал что делать.

Борис громко крикнул маме и Саре:

– Быстро поднимайтесь вверх.

Сара только сделала шаг, как почувствовала, что кто-то ухватил ее за ногу, она обернулась, и увидела испуганные глаза беременной Марии, которая что-то неразборчиво бормотала, моля о помощи.

Сара крикнула маму:

– Мама, скорее, тут, ... – Сара показывала в сторону Марии, она от страха, не могла говорить, ее била дрожь, да и нога ее все еще была в цепкой руке Марии.

– Мария, вставай скорее, пошли наверх, – мама наклонилась к ней, что бы помочь, но в этот момент, раздался оглушающий крик Марии, корчившейся от боли.

Было понятно всем – начались схватки.

– Борис! – мама повернулась, ища глазами сына.

– Я тут, что у вас? – Борис помогал старикам подниматься на палубу.

– Мария рожает.

Борис вмиг оказался рядом, он быстрым и решительным движением подхватил Марию на руки и понес наверх на палубу.

Душераздирающий крик Марии распугал всех пассажиров.

Шок, который испытывала Сара, не давал ей возможности двигаться быстрее, ноги, как будто прилипали к ступенькам, а за ней выстроились люди, толкая друг друга, торопя девушку, то и дело, подталкивая ее, то в бок, то в спину, да еще с упреками и криком.

Ветер все усиливался, дождь адски хлестал людей, порой сбивая с ног, рыдания и причитания, визг детей, женский плач, вперемешку с громовыми раскатами, и нестерпимый,

пронзительный крик беременной Марии.

Борис вынес Марию наверх, положил ее под брезент, который обнаружил в носовой части корабля, мама расположилась рядом, она гладила Марию и громко ее уговаривала.

– Потерпи девочка, все будет хорошо, потерпи, надо терпеть.

Мария, на время умолкала, то вдруг опять начинала стонать, и вновь резкий страшный крик.

Боль не давала ей надолго расслабиться.

А дождь, все сильнее.

Трюм уже почти весь затоплен.

В глазах людей неопиcуемый страх.

Матросы носятся по судну, пытаясь, хоть как-то залатать дыры.

Слышны испуганные голоса:

– Я не умею плавать!

– Господи, помоги!

– Семен, где мой Семен?

– Алеша, скорее сюда, да брось ты свой тук.

– Кто-нибудь, тут дедушка, помогите!

– Мама, мама, я боюсь... – рыдают дети.

Молния, грозно хлестала по всему небу, безудержно гремел гром, казалось, что небо прорвалось, такой силы ливень никто и не помнил на своем веку.

Старики молились, бесконечно крестились, в голос просили пощады.

Судно становилось все более и более неустойчивым, ветер швырял его из стороны в сторону, люди цеплялись за канаты, порезы на ладонях от грубой веревки, мгновенно дали о себе знать, многие не могли выдержать боль и отпускали веревку, их тут же бросало на противоположные борт, и только чудом они спасались, цепляясь за что попало, лишь бы не вывалиться за борт корабля, понимая, что тогда их ожидает неминуемая смерть.

Силы были у всех на исходе.

Промокнув до нитки, изведенные до изнеможения, люди, буквально валились с ног, стихия продолжалась всю ночь, уже не было мочи ни молить о помощи, ни даже стонать.

В зловещей гудящей каше из грома, молнии и шума дожда, люди чувствовали себя заложниками бушующего урагана, и уже почти смирились, потому что не было больше, ни сил, ни даже представления, как противостоять такой стихии.

Под самое утро, как вызов этой мощи, прозвучал громкий и звонкий плач родившегося ребенка, как будто утверждая человеческую силу и выносливость.

Мария лежала почти бездыханная, Борис держал ее за плечи, все схватки, пока Эмма не приняла роды.

Сара, забившись в угол, неподалеку, дрожала и рыдала, искусав все губы от страха до крови.

С рассветом ливень стал отступать, раскаты грома становились все тише и тише.

Ветер постепенно стих, и люди ожили, зашевелились.

Все мокрые и уставшие, но невероятно счастливые, что все это уже позади.

Эмма решительно сняла с себя кофту, оставшись в одной комбинации, выжала из нее воду, и завернула ребенка, положив его Марии на грудь.

Мария обняла свое маленькое чудо и заплакала от счастья.

Эмма гладила ее по голове и успокаивала:

– Все хорошо, я ведь тебе говорила, что все будет хорошо. Мы почти приплыли, вон уже и Киев виднеется.

– Спасибо, – слабым голосом, все еще всхлипывая, – протянула медленно Мария.

Прийдя в себя, пассажиры поняли, что все их вещи унесло водой.

И это был тоже шок, у многих больше вообще ничего не было.

Так было у Эммы и ее детей.

Какая-то женщина сняла с себя газовый платочек и протянула Эмме, со словами:

– Возьми... хоть как-то прикройся!

Эмма кивком поблагодарила и набросила на плечи платок, едва завязав на маленький узелок на груди.

Судно, как побывавшее в пасти зловещего чудовища, истерзанное и истрепанное, медленно и тяжело заходило в порт.

Встречающие, с напряженными лицами следили за каждым движением корабля, понимая, что пережили все, находящиеся на борту.

Измученные пассажиры, с нетерпением выстроились, готовые покинуть корабль.

Борис и Сара поддерживали под руки Марию.

Эмма помогала старушке подняться.

Наконец, судно пришвартовалось и подали трап.

Шум, гам, слезы, возгласы, приветствия.

Марию встретили родители, и бесконечно благодарили ее спасителей.

Тут же мама Марии сняла с себя кофту и платок, быстро перепеленали ребеночка в сухое.

Отец Марии, снял свой пиджак и отдал Эмме.

Они предложили Эмме с детьми остановиться у них в Киве на некоторое время, но Борис никак не мог, ему надо было в срок прибыть во Львов, где его ожидали обязанности.

Теперь им предстоял тоже не простой путь из Киева во Львов на поезде.

На перроне уже стоял товарный состав, и люди ринулись занимать места.

По сути, мест в таких вагонах не было, ибо, это сплошная площадка с деревянными боковушками.

Народ запрыгивал в вагон и старался сесть на пол таким образом, что бы побольше места себе отвоевать, то есть, почти полулежа.

Борис заскочил первым и подал руку сестре и маме. Они разместились поблизости с музыкантами и семьей, переезжавшей из Киева во Львов.

Люди, узнавшие о потере всех вещей Эммы и ее детей, тут же собрали им сухую одежду.

Сара переоделась в платье, которое пришлось перевязать веревкой, оно было размера на два больше.

Стало сразу тепло и уютно.

Она прильнула к маминому плечу, как будто ища защиты.

Вагон быстро наполнился, и дверь закрыли, громко клацая запором.

Поезд, следовавший во Львов, тронулся, и Сара, что бы хоть немного отвлечься, стала терзать маму воспоминаниями об отце, как она это делала частенько.

Борис сидел рядом и тоже внимательно слушал воспоминания о минувшем прекрасном времени, когда вся семья вечерами собиралась на кухне и после ужина папа читал детям книжки или играл с ними в игры.

Эмма вспоминала Исаака молодым, постоянно его хвалила, говорила, что он был очень образцовым мужем и отцом, много работал, и сильно любил свою семью.

Сара, слушала, но мысли о неведомой будущей жизни, поглощали ее все больше и больше.

Какое-то странное предчувствие и радости и беды одновременно.

Она, то вдруг размечтается о праздной жизни, о нарядах и поклонниках, то опять почувствует тревогу и напряжение.

Пассажиры громко говорили, кто-то даже шутил, все дружно смеялись, даже Сара не удержалась, расхохоталась, слушая байки пожилых музыкантов.

Проехав, почти пол-дня, поезд сделал остановку в каком-то хуторе, название которого, Сара так и не запомнила.

– Стоянка тридцать минут, – огласил громкоговоритель на станции, следом сразу же один за другим, пассажиры, повторили вслух это объявление, все устремились к выходу.

Люди, быстро выскочили из своих вагонов и разбрелись по округе.

– Эй, мальчик, где тут вода? – спросила Эмма, пробежавшего ребенка.

Он указал в направлении колонки с водой, и все пассажиры ринулись в ту сторону.

Выстроилась очередь, каждый пил и брал воду в дорогу.

Сара стояла в очереди за двумя пожилыми мужчинами, которые постоянно обменивались своими историями:

– А я, как-то так хорошо проехал в прошлом году, дай думаю проголосую, може кто подвезет, один остановился, так я с ним и поехал, ах! даже денег не заплатил!

– Да ну, как это?

– Приехали, я выхожу из машины и давай шарить по карманам, и так хитро, чтоб шофер слышал говорю, как бы сам себе:

– Черт, кажется я у тебя в машине кошелек выронил...

Шофер как услышал это, как нажал на газ и смотался.

– Слухай Зяма, а ты не врешь? Ты ж гений!... – гогочут и похлопывают друг друга по плечу.

– Муся!!! – еще издали, направляясь к очереди, громко и грозно кричит ему жена, – а ты не мог вообще последим стать в очередь, что ты за простофиля!

Муся, и Зяма втянули головы в шеи от страха, но кажется их пронесло, Хая пробежала мимо, она имела своей целью,

базар, что напротив.

Впереди стоявшие три дамы бальзаковского возраста, оглянулись на крик Хаи, и узнав в ней старую знакомую, изобразили подобие улыбки, выдавив, при этом, слова приветствия.

Хая, на бегу, соблюдая тот же этикет, ответила им тем же, и побежала дальше.

Надо сказать, что Хая кричала так громко, что с легкостью перекричала сигнал приближающегося паровоза, так что на ее крик отреагировала вся очередь, однако три дамы, стоящие перед Сарой, не упустили возможности обсудить Хаю, но не ее крик, это их не смущало, они и сами то не робкого десятка, могут кричать, не менее пронзительно, одна из них, сменив улыбку на скривленное лицо, как будто только что, она понюхала протухлый качан квашенной капусты, бодро задала тон:

– Слушайте, это ж Хайка!

– Да ты шо!

– Та, шо за школой жила? – вставила третья.

На вопрос никто не собирался отвечать, первую восклицательную особу буквально распирало от желания посмаковать Хаину, простите, задницу:

– Она что еще поправилась? Ну и жопа!

– Кошмар, – визгливо поддакнула другая.

– Говори тише, – толкнув локтем подругу, опасаясь гнева Хаи, и украдкой поглядывая в сторону убежавшей, громко

прошипела третья особа.

– Ах! Что ты волнуешься! Если бы я не была уверена, что она, ко всему прочему еще и глуховата, я бы никогда так спокойно не говорила.

Все, до кого в очереди дошли эти фразы, захихикали.

Дальше эстафету перехватили снова дедули.

– Фу! – было слышно, как дедушки разом выдохнули.

– Ну как тебя угораздило жениться на Хае? – в сердцах воскликнул Зяма, – она страшная такая!

– Ну, подумаешь – немножко косая!

– Немножко?! Та ты шо, когда она плачет, у неё слёзы текут по спине крест-накрест!

– Так это мамин выбор, – виновато, промямлил Муся. Она мне говорила, что бы я никогда не женился на красивой девушке – она может меня бросить.

– Так и некрасивая тоже может бросить.

– А вот это уже другое дело!

И дедули опять загигикали.

– А вот моя мама, кинулся в воспоминания Зяма, – всегда мне говорила:

– Сынок! Первая жена у тебя должна быть хохлушка.

– Как же так, почему? Ты же еврей. – смутился Муся.

– И я так же спросил маму, почему, а она сказала, что» Хохлушки – красивые. Хохлушки вкусно готовят. Она из тебя сделает дородного мужчину. Потом ты разведешься и женишься на еврейке.»

– Почему? – еще больше недоумевал Муся.

– Ну так и я спросил ее, почему? И получил оплеуху за несообразительность.

– Во-первых, – сказала мне мама, – ты еврей. Во-вторых, еврейка – жена – это связи и блат. И вот когда ты обзаведешься связями, положением в обществе, детьми, ты разведешься и женишься на цыганке.

– ?! – Муся окончательно запутался в расчетах Зяминой мамы, скорчив, при этом соответствующую «рожу».

Понимая немую сцену Муси, Зяма продолжал, с серьезным выражением лица:

– Маме очень нравилось, как красиво цыгане хоронят.

– ?!

– Ты шо, поверил? Я ж смеюсь!

И шаловливые старики опять разгоготались, покашливая и постукивая друг друга по спине.

Далее был черед Муси, так его называл Зяма, копируя манеру Хаи:

– А помнишь, я был у Киеви в том году?

– Таки да, ты был у Киеви, я помню.

– Так я тебе скажу, там такие хохлушки!

– Шо, лучше наших?

– Ну как можно сравнивать?! – возмутился Муся. – Вот у меня было интимное свидание с одной, э-э-э! Ах!, – взбодрившись и причмокивая от удовольствия, Муся, которому

стукнуло уже лет восемьдесят, по подсчетам Сары, добавил восклицая:

– Уж теперь-то я знаю всё точно!

– Так расскажи, наконец! – теряя терпение и брызжа слюной от зависти, торопил его Зяма.

– Слухай: на ней была накидка с капюшоном из люрекса – ничего подобного вы здесь не отыщете.

А когда она её скинула, то под ней оказалась блузка из розового шифона, прозрачная, как стекло! А юбка её была вся сплошь покрыта блёстками, так что на неё даже смотреть было больно. Потом она сняла юбку...

– И шо? – нетерпеливо твердил Зяма.

– И шо. – перекривил его друг, – Бельё у неё было отделано валлонскими кружевами лилового цвета и прошито серебряными нитями... Подвязки были украшены драгоценными камнями...

– И шо? – теряя и терпение и самообладание, долдонил Зяма.

– Потом она сняла с себя и бельё, и подвязки...

Зяма смахнул со лба капли выступившего пота, движением руки, которая ухватилась за запястье счастливого рассказчика, он дал ему понять, что нужна короткая передышка, и спустя пару секунд, опять воскликнул:

– И шо?

– Ну, шо – шо, шо – шо? – Муся, разочарованно махнул рукой,

– А, дальше всё было в точности, как с моей Хаей...

– М-м! – разочарованно помотал головой Муся, – слухай, а как твоя Хая сейчас себя чувствует?

– Та, болеет и болеет, я ей так и сказал:

– Хая, знаешь если кто-нибудь из нас умрет, то я, скорее всего, уеду в Израиль...

– Я таки тебя понимаю, и ты теперь едешь в Львов, – рассмеялся, Зяма.

Очередь за водой была довольно длинная, друзья безостановочно парировали друг другу, язык на котором они общались был суррогатом еврейского, украинского, скорее, хохляцкого и русского:

– Как тебя вообще угораздило жениться на Хае, я ее боюсь, она ж взглядом убьет?!

Сара, слушая, старичков, и сама повеселела.

Напившись воды и набрав в дорогу, они с мамой перешли дорогу, где располагался небольшой базарчик, брат, немного погодя, догнал их.

Мама подумала, что хорошо бы выменять свое колечко на продукты, дорога не близкая и не легкая, где еще будет такая возможность.

Отовсюду слышались голоса торгующихся:

– Я бы и за полцены не купила такую шубу. Посмотрите – вон мех лезет! – прямо таки верещала толстая тетенька.

– Мадам, да за эту цену через пару лет у вас будет отлич-

ное кожаное пальто! – то ли подшучивал, то ли и вправду верил в свои слова продавец с дурацким выражением лица, напоминающим карикатуру.

Вдруг, прямо за спиной Сары, как в граммофон звучат голоса:

– Сколько лет, сколько зим! Как ваши дела? Чем занимаетесь?

– Спасибо, потихоньку. Вот, засел за мемуары.

– Пишете мемуары? Это замечательно. Кстати, вы дошли уже до момента, когда вы у меня тридцать рублей заняли?

Как калейдоскоп сменяются картинки, персонажи, действия.

– Здравсь-сьте, Семен Маркович, как ваши дела?

– Помаленьку, а ваши?

– Тоже так потихоньку. У меня к вам интересное дельце. Для вас есть роскошная невеста – молодая вдова, редкой красоты, очень серьезная. И невинная.

– Как невинная? Вы же сказали, что она вдова.

– Ой, одно слово что вдова, это было так давно, она уже все забыла.

«Базар», что только не увидишь, и что только не слышишь!

Сигнальный гудок поезда оповестил о том, что пассажиры должны занять свои места. Народ торопливо поспешил

к своим вагонам.

Базар разом опустел, и торговцы тут же заскучали, уставившись на цепочку вагонов, то ли, завидуя уезжающим, то ли жалея, что не успели сторговаться и продать, или выменять побольше товару.

Тем временем поезд уже тронулся с места.

Вечерело.

Все пассажиры начали укладываться спать.

Каждый пытался вытянуть ноги, но это не легко, везде наткались на других пассажиров, горел маленький фитилек, почти на ощупь приходилось ориентироваться.

В конце вагона кто-то взвизгнул, слышались голоса соседей:

– А! И не стыдно?

– Ворье развелось!

– Да нет, я перепутал сумку!

– Знаем, как ты перепутал!

– Ладно, отстаньте, може и правда человек перепутал, вон какая темень.

– Хватит орать, дайте поспать!

– Спи себе там.

– Я сказал, заткнись уже!

– Чего? – приподнимаясь со своего места, возмутился здоровенный мужик.

– Ладно, ладно, остынь, – запричитала, похоже, его жена.

Рядом зашикали соседи, и как-то все постепенно успокоились.

Сара и Эмма сели по разные стороны Бориса, и положили ему головы на плечи.

Борис уже посапывал, мама тоже дремала, а Саре не спалось.

Мысли одолевали ее.

– Какой он, Львов? – мысленно задавалась вопросом Сара.

Ведь этот город, все еще принадлежит Польше, хоть им уже и управляет СССР.

По рассказам, бывалых, он красивый, вот и все.

Глава 2. Львов

Старинный, красивейший польский город Львов, встретил Сару с семьей, как-то уж совсем не гостеприимно, диким ливнем, ветром, сбивающим с ног, мрачными лицами.

Красный флаг развивался над Львовом.

Казалось бы уже почти год, как город живет и дышит атмосферой перемен, но с первых минут было понятно, что ничего подобного, город и горожане были чужие, совсем не такие, как Запорожье и его жители.

Временно Бориса с семьей разместили недалеко от вокзала, в коммунальной квартире, выдали паек.

На утро, брат ушел на службу, Эмма стала хлопотать по хозяйству, а Сара вышла на улицу.

Немного нерешительно постояла на крыльце, борясь с желанием нырнуть обратно в квартиру, настолько ей было неуютно, и даже жутко.

На скамейке сидели две пожилые женщины, что-то обсуждали, глядя на окна на втором этаже.

Саре стало тоже любопытно и она посмотрела вверх.

Там молодая женщина мыла окно.

Сара подумала, ничего тут особенного нет, и

направилась по направлению к центру.

Проходя мимо старушек слышала, как одна из них язвительно обращается к молодой хозяйке, моющей окно:

– Ой, Галя, вы сегодня хозяйка, окна моете, а то уже соседей не видно...

Сару это очень позабавило.

И вдруг, ее взгляд упал на красивый купол здания, что находилось неподалеку.

Саре стало интересно посмотреть на этот дом поближе.

Она, медленным, осторожным шагом, направилась в сторону заинтересовавшего ее объекта.

А потом был следующий, и еще, и еще, дом за домом, неповторимой красоты.

Сара бродила по тихим, извилистым улочкам, разглядывала красивейшие здания, восхищалась архитектурной, но никак не могла принять этот чужой, для нее, город.

Почему?

Что ей так мешает?

Быть может она чувствует нечто, что не дает ей сблизиться с ним?

Что это?

Такого чувства тревоги раньше она не испытывала.

Уже через неделю советская власть предоставила Борису и его семье квартиру, хоть и небольшую, но зато в красивом старинном доме, на пятом этаже, в центре города. Мебели почти не было. Ни посуды, ни одежды, ни возможности это все купить.

Борис много работал, Сара помогала маме по дому, ходила в школу, занималась балетом.

Соседи были хорошие, тут же собрали все необходимое и принесли новичкам.

Постепенно жизнь налаживалась.

Сара узнала, что они живут в доме, где проживает знаменитая актриса – Ида Каминская.

Она давно слышала о таланте актрисы, но так до сих пор не удавалось побывать на ее спектаклях, и тут вдруг – соседи.

Сара подумала, что как-нибудь она познакомиться с любимой актрисой, и пойдет на ее спектакли, а может быть даже, как Каминская, станет артисткой, и будет играть с ней на одной сцене.

Мысли унесли Сару в сказочный мир искусства, и принесли ей состояние удовлетворения.

Жизнь, казалось, выравнивается, появились друзья.

Сара чувствовала, что Борису не легко, но она так же зна-

ла, что брат все сделает, для того, что бы осчастливить ее и маму.

Разница в девять лет, сильно давала о себе знать.

Борис, по-отечески относился к младшей сестренке, он ее любил, и считал своим долгом оберегать и наставлять ее.

Но жизнь все же была тяжелая, приходилось голодать, и экономить каждый кусочек хлеба.

Конец 1940 года был наполнен неоднозначными событиями в стране, за которыми следило все население.

Теперь везде можно было слышать страшные предположения о надвигающейся войне.

В городе и его предместьях постоянно возникали антисоветские восстания.

Пронеслись слухи о том, что нестабильное положение на советской границе вынуждает власть высылать вглубь страны людей еврейской национальности, во избежание внезапного нападения и расправы со стороны немцев.

Но, в то же время, в прессе подчеркивалось, что Советский Союз абсолютно доволен, как внутренней, так и внешней политикой страны, и ее достижениями.

Близились новогодние праздники.

Сара, вместе с мамой, вот уже третий вечер готовят новогодний наряд, ведь в школе будет вечер, и Сара мечтает быть самой красивой.

Эмма пожертвовала для этого материал, который, совсем недавно, купила на шторы, а украшением, служила тюль, точнее, вырезанные фигурки и цветочные элементы, которые Сара нашла в районе воротника.

Настроение было предпраздничное, Сара постоянно мурлыкала под нос музыку вальса, мама иногда подпевала дуэтом, они смеялись, постоянно примеряя новогоднее платье.

По радио торжественно звучало:

– В преддверии Нового 1941 года, хочется поделиться со всеми советскими гражданами теми достижениями, которые подняли СССР на новую ступень.

У нас есть все основания гордиться делами государства и уходящим 1940 годом.

Внесен огромный вклад и коренные улучшения в дело обучения и воспитания личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Советский народ смотрит в будущее радостно и уверенно.

– Ну вот видишь, мамочка, – радостно встала Сара, – все эти сплетни, особенно дяди Лени и тети Гали, про возможную войну, и что надо бежать отсюда, все ерунда!

– Конечно, доченька, ерунда, – Эмма не хотела пугать и расстраивать дочь.

В воздухе, казалось, действительно, витала атмосфера полного оптимизма.

Страна встретила Новый 1941 года с наилучшими надеждами, и заверения руководителей Кремля, почти успокоили народ.

Но уже через несколько дней после этого стало ясно, что не все идет хорошо.

По радио и в прессе сообщалось, что немцы начали перебрасывать свои войска в Болгарию.

Ходили слухи, что немцы действуют с ведома СССР, однако, ТАСС категорически отрицал, что это будто бы происходит «с ведома и согласия СССР»; наоборот, дикторы наперебой заявляли, что СССР никаким образом не были осведомлены об этом.

Борис пришел с работы уставший и подавленный.

Эмма накрыла на стол, и с тревогой, безмолвно посмотрела в глаза сыну, ожидая откровенного разговора.

Борис помолчал, затем достал газету, медленно развернул ее и сказал:

– Вот, здесь подробный отчет о речи Гитлера. Он в полной уверенности, что его ждут новые победы над англичанами, он заявляет, что Америка, зря тратит время и силы, помогая Англии, все равно их ждет крах.

– Борис, успокойся, дядя Стас говорит, что Гитлер не доберется до нас, и потом, ты же слышал по радио, какая была речь нашей партии, они уверены, что все под контролем.

– Мама, все не так просто. Конечно они не будут сеять панику в народе. Но, вот как раз в конце своей речи, Гитлер сказал такую фразу: «Я учел всякую возможность, какая только мыслима», – и добавил, может быть вы с Сарой все же согласитесь уехать из Львова, куда-нибудь подальше, вглубь страны. Ну, не в Сибирь же я вас прошу уехать?

– Нет, нет и нет! Мы тебя не оставим. И потом, я не верю в то, что, даже если Германия и войдет в СССР, то нам грозит что-то плохое.

– Тогда почему же столько евреев беженцев из Германии и Польши? Он нацист, он ненавидит евреев, первые, на кого падет его гнев, будут евреи.

Тут в комнату забежала Сара с улыбкой до ушей, которая быстро стекла с ее лица, после того, что она услышала обрывки последней фразы «Он нацист, он ненавидит евреев, первые, на кого падет его гнев, будут евреи», она спросила маму и брата:

– Ну, за какие пороки так ненавидят евреев?

В доме повисла длинная пауза...

Эмма медленно закрыла глаза и сказала в пустоту:

– Евреев ненавидят за их достоинства, а не пороки.

Наступила еще более долгая пауза...

И вдруг Борис резко вскочил и буквально взмолился:

– Вы должны уехать! Мама, Сара – это не шутки! Евреи все больше и больше бегут из Германии, Польши. Я уверен, – это плохой знак!

– Ну, откуда такая уверенность? – не унималась мама, – вон, все, кто помнят прошлую войну, говорят, что немцы никому не причинили зла, и евреям, в том числе.

Это политика и все.

Ну, станет Львов немецким городом, и все!

Подумаешь!

Уходил день за днем, а новый нес все больше тревоги и переживаний.

В Советском Союзе все больше и больше стали уделять внимания военной и профессиональной подготовке, дальнейшему укреплению трудовой дисциплины, подготовке кадров промышленных рабочих в школах ФЗУ, насчитывавших 600 тысяч учащихся, и других трудовых резервов.

Слова «мобилизационная готовность» вновь и вновь по-

вторялись в устной пропаганде и в печати.

В День Красной Армии, 23 февраля, «Правда» опубликовала статью генерала Г. К. Жукова (незадолго до того вступившего на пост начальника Генерального штаба), пожалуй, менее оптимистичную, чем его речь два месяца назад.

Он писал, что 1940 год был годом перелома, «перестройки системы обучения и воспитания войск», но давал понять, что реорганизация продолжается и что положение дел еще далеко от совершенства.

Со времени финской войны, отмечал он, в армии уже произошли большие перемены, например «укреплено единоначалие», но многое еще остается сделать и «зазнаваться и успокаиваться на достигнутом» не надо.

Статья выдавала некоторое чувство беспокойства и наталкивала на вывод, что происходящие в Красной Армии «большие перемены», вряд ли будут завершены до 1942 года.

Глава 3. Война

«В наше время у еврея есть лишь один выбор: либо стать сионистом, либо перестать быть евреем.»

Кроссман

Немцы вошли во Львов утром 30 июня 1941 года.

И в тот же день начался трехдневный еврейский погром, который был организован «украинской народной милицией» при попустительстве и подстрекательстве немцев.

Формальным поводом к погрому стали расстрелы заключённых в тюрьмах Львова, которые НКВД провело при отступлении Красной армии.

Бориса забрали в армию очень спешно, это сразу же насторожило Эмму и Сару.

Борис, настойчиво просил маму, чтобы они срочно уехали вглубь страны.

О вероятности войны уже давно ходили не только слухи, но намеки в прессе, по радио.

После начала Второй мировой войны (1939) и захвата Гитлером Польши, её восточную часть оккупировала Красная Армия в соответствии с секретными протоколами к пак-

ту Риббентропа-Молотова.¹

Поскольку, Львов в то время населяло большое количество евреев (около 180 тысяч), а это почти половина всего населения города, советские власти летом 1940 года, опасаясь внезапных военных действий и вторжения со стороны Германии, выслали около 10 тысяч еврейских беженцев из Германии и Польши вглубь СССР.

Львов, хоть и входил в состав Польши, уже управлялся советской властью, которая, не проявила должной заботы о еврейском населении Львова, не отправили их вглубь страны.

Коренные Львовские жители и сами не желали покидать свои дома, они верили в то, что немцы не причинят им зла, как это и было ранее.

Семья Сары так же предпочли остаться во Львове, да и надежда теплилась на здравомыслие политиков.

Не смотря на множество, разного толка, поступающей информации; и из легальных и нелегальных источников, люди отказывались верить в полную потерю разума у всего Мира.

Советским людям внушали полную защищенность со стороны Кремля.

Они, в своем большинстве, как малые дети, беспрекослов-

---

¹ <http://hi-lvov.narod.ru/LightboxImageSlideshow/eLvov.html>

но верили и доверяли себя своему руководству, особенно простой люд.

Уже в первые дни после 29 июня 1941 г., даты вступления немцев во Львов, в городе прошли инсценированные ими погромы, унесшие жизни нескольких тысяч евреев.

Через несколько дней в лесу под Билогорщей немцы расстреляли 1400 мужчин-евреев.

Весь июль 1941 года немцы и украинская вспомогательная полиция уничтожали в лисиничском лесу под Львовом еврейских политических деятелей и интеллигенцию, а также евреев, захваченных в городских облавах.

Были взорваны или сожжены почти все синагоги города. Когда в понедельник, 30 июня немцы входили в город, из горящих тюрем доносился запах не захороненных трупов. Было обнаружение тысяч полуразложившихся трупов политических заключенных, которые были убиты НКВД в предыдущие дни, когда советы осознали, что стремительное немецкое наступление не дает возможности эвакуировать тюрьмы.

Представители немецкой армии уже во второй половине 30 июня сообщали, что население Львова обратило свой гнев на убийц из НКВД против «евреев, живущих в городе, которые всегда сотрудничали с большевиками»

В тот же день еврейские мужчины были согнаны на, так называемые, «тюремные работы» – раскапывать и выносить тела убитых в тюрьмах.

Борис очень переживал за маму и сестру.

Он постоянно просил их в своих письмах не выходить на улицу, прятаться в подвале, в случае опасности.

Но, они все же тайком выбирались из дома в поисках еды и воды.

Однажды Сара выбежала из дому с ведром набрать воды, только она завернула в арку дома, как в полутьме ее глаза встретились с горящими огоньками напротив.

Сначала она застыла на месте от страха, затем приглядевшись, распознала соседского парня, которого иногда видела во дворе.

Парень тихо сказал:

– Не ходи туда. Не ходи! Там погром.

Сара ни разу сама не видела погромов, но уже была слышана о них и о зверствах над евреями.

Она задрожала и повернулась, чтобы бежать обратно домой, но парень остановил ее:

– Идем к нам, быстрее. К нам они не сунутся. Я слышал, что сегодня по домам евреев пойдут.

– Нет! А как же мама? – взмолилась Сара.

И тут вдруг со стороны ее двора раздались крики, плач. Парень схватил Сару за руку и потащил в свой подъезд. Она бежала за ним всхлипывая и не понимая ничего, в голове – каша, перед глазами что-то мелькает, но она ничего не может разобрать.

Заскочив в подъезд, они быстро спрятались за входную дверь, так как слышали стук открывающейся двери на первом этаже.

Из квартиры спешно вышел большой мужчина и быстрым шагом направился на улицу поглазеть на очередной погром. Сара и ее спаситель стояли за дверью и наблюдали в щель.

Уже третий день в городе шли галичанские народные гуляния в форме еврейского погрома.

Погром был организован немцами совместно с бандеровской «украинской народной милицией».

По замыслу авторов, еврейский погром во Львове был акцией «само-очищения» и мести «жидо-большевикам» со стороны угнетенных ими народов, которым доблестная немецкая армия принесла свободу.

Сара смотрела в дверную щель и содрагалась.

Обезумевшие мужики палками били женщин и сгоняли их во внутренний двор дома.

Двор, в считанные минуты наполнился гулом, криком, плачем и мольбой вперемешку с бранью, выстрелами, гулким звуком камней и палок о спины еврейских женщин.

Во двор сгоняли уже полураздетых женщин и продолжали их добивать и сдирать оставшееся белье.

Женщины кричали, молили о помощи, над ними продолжали издеваться, заставляя ползать на коленях с поднятыми руками.

Били и руководили погромом, в основном свои, то есть народная милиция, а немцы бегали и фотографировали.

Из квартир повыскакивали люди и смотрели на весь этот беспредел, не смея и пикнуть.

Толпа смотрела; кто с жадой мести, кто с презрением, кто с сочувствием.

А на их глазах терзали евреев, за то, что они евреи, и все, только и вина их была в этом!

Из толпы доносились выкрики активистов:

– Евреи кочевники и голодранцы...

– Шкурники...

– Материалисты чертовы! Бей жидов!

– Еврейские коммунисты!

– Бей, бей, бей...

– Еврейские капиталисты!

– Бей!

- Украина для украинцев!
- Бей жидов!
- Юде! Юде!

Бандеровцы были убеждены, что евреи были основной поддержкой коммунистов и в значительной мере несли ответственность за репрессивные действия против украинцев.

Повсюду валялись листовки с призывами: «Знай! Москва, Польша, Мадыяры, Жидовство – это враги Твои! Уничтожай их!», «Марксизм – еврейская выдумка» и «сталинские и еврейские комиссары являются главными врагами народа!»

– Бей это отродье!

Львовские активисты хватали очередную девушку и раздевали ее догола, затем требовали, чтобы она на коленях ползала, они не чурались раздевать донага даже пожилых женщин, мужчин.

Сара прильнула лицом к щели и безмолвно рыдала, глядя на ужасающую картину.

Совсем рядом, Сара даже задержала дыхание, бандеровский милиционер с повязкой в приподнятом настроении, протащил за волосы молодую женщину, совершенно голую и полуживую.

А следом, солидно одетый галичанин, пинал ногами пожилого еврея.

К нему подбежали народные милиционеры и радостно стали добивать его, а затем, как тушу потащили, хвастаясь толпе.

Немцы-часовые совершенно не вмешивались, все преподносилось, как «акция самоочищения».

Самое страшное, что для многих участников погром был веселым народным гуляньем, карнавалом по-галичански.

Народная милиция кривлялась перед камерами немцев, которые охотно их фотографировали, как редких «обезьян».

Наблюдая всю эту картину, Сара внезапно потеряла сознание.

Парень подхватил ее на руки и бегом пронесся по лестнице на второй этаж.

Дома его встретили перепуганные родители и братья:

– Ты где ходишь, Артур? – не успев досказать, мама прямо падает на стул, увидев сына с Сарой на руках.

– Ой, беда! Что теперь будет? – плача, шептала мама.

– Да ничего не будет, мама! Они к нам не сунутся. Все вокруг знают, что мы поляки. Ты же знаешь, что они только русских евреев берут, – успокаивал мать Артур.

– Давай скорей сюда, – отец показал сыну на маленькую комнату.

Сару уложили в кровать, она начала приходить в себя, по лицу текли слезы, ее глаза были устремлены в одну точку

на потолке, она постоянно шептала:

– Мама, как же моя мама?

– Сара, когда закончится погром, мы сходим и узнаем все про твою маму, – успокаивал ее, и сам изрядно напуганный, парень.

– Откуда ты знаешь как меня зовут?

– Я привозил продукцию в вашу школу и сразу тебя заметил, тебя подруги окликнули по имени, – Артур слегка покраснел и отвел глаза, повторив, – я сразу заметил тебя.

Немного помялся и не зная о чем говорить, добавил, – Я тоже эту школу заканчивал.

Сара молча на него посмотрела, и для приличия, просто для поддержания разговора спросила:

– Ты тоже семь классов окончил?

– Да, – браво и радостно ответил Борис, – я три года назад закончил.

– А я в этом году.

– А я когда тебя увидел, подумал – балерина. У тебя такая тонкая фигура! – оживился Артур.

– Ты угадал, я занимаюсь балетом не первый год. Вот теперь передо мной дилемма: я люблю математику и балет.

Что сделать своей профессией?

– Конечно балерина! Это так необычно!

– Ты любишь балет?

– Я люблю т..., – Артур осекся. Он даже испугался, что выдал себя с потрохами.

Ситуацию спасли братья, которые вставили очередной комментарий о происходящем на улице.

Отец стоял рядом, тяжело вздыхая и мотая головой из стороны в сторону:

– Почему вы не уехали? На что вы надеялись? Вы не поверили слухам, о том, что русским евреям несдобровать, в случае оккупации нацистами, а поверили, что вас защитит власть? Так и что?

Советская власть даже не вспомнила о той смертельной опасности, которая грозила евреям Львова.

А вот гром и грянул!

– Ой-ой! – всхлипывала мама.

– Да, да! Именно так – людей, не только не эвакуировали, но даже не проинформировали о необходимости покинуть Львов.

Уезжали только немногие, которые по слухам не могли надеяться ни на что хорошее, они же и убеждали многих евреев уехать, пока не поздно.

Но, мало кто мог поверить в то, что советская власть не защитит их!

Минуты превращались в невыносимую вечность.

Сара искусала все губы от напряженного ожидания конца погрома.

Она металась по комнате, то и дело спрашивая, подглядывавших в окно братьев:

– Ну, что там? Расходятся?

– Да, уводят последних жертв, еще остались убитые – их уже тоже начинают грузить, скоро уйдут – ребята сочувствовали Саре и хотели поскорее сообщить ей, что все окончено.

Голова Сары гудела и раскалывалась, она с трудом дышала, она не находила себе места.

Еда и чай, предложенные ей, так и оставались нетронутыми, не смотря на то, что она была очень голодна.

Часы монотонно отмеряли секунды.

Казалось, мир завис над пропастью.

На первом этаже дома, у родителей Артура был свой магазин мороженого.

Это был большой магазин, при котором имелся и цех по производству этой продукции.

Семья владела этим бизнесом уже давно и была основным поставщиком мороженого, не только по всему Львову, но и по многим городам Польши.

Хельблинги славились невероятной добротой, в их доме всегда было много народу.

Они делились едой с соседями.

И, не смотря на то, что были очень состоятельной семьей, сами жили скромно, без излишеств.

Хотя дом был у них большой и все обставлено со вкусом.

Отец окликнул Артура:

– Артур, кажется все успокоилось. Пойдем спустимся со мной в магазин.

– Да, отец, – он повернулся к Саре и сказал ей, – я скоро.

К Саре подошла мама Артура и настороженно спросила:

– Вы давно знакомы?

– Нет, – втянув шею в плечи, – прошептала Сара.

– А кто твои родители, Сара?

– Мы приехали из Запорожья с братом и мамой, а папа мой давно умер, – помолчав добавила, – брата сюда прислали на работу.

Материнское сердце, не могло не почувствовать, что ее сын серьезно влюблен в эту девушку.

Она хорошо понимала, что ситуация складывается совсем не простая.

Конечно, не о такой партии она мечтала для своего любимчика!

Мария, и ее семья из знатного польского рода, с вековыми традициями, достаточно твердо стоящие на ногах, богатые и глубокоуважаемые в родном Львове и за его пределами.

Она – Мария Таубер – из семьи магнатов – фабрикантов, ее муж, просто из легендарной семьи.

Кто не знает семью Хельблинг и их прославленные магазины?

Сколько желающих из знатного рода хотели бы породниться с этой семьей?

А тут вдруг – русская!

И как ей виделось – коммунистка.

Ни красота Сары, ни фигура, ни молодость, ни ее роскошные волосы, ни образованность и балетные классы, никак не могли смягчить настрой мамы Артура, которая, всем своим видом, давала понять Саре свое брезгливое отношение к ней.

Единственное, что ее, хоть немного успокаивало – она тоже еврейка.

Но, все же между польскими евреями, практически, элитой, и русскими – была большая разница, по крайней мере, для еврейского народа.

Спустя минут пятнадцать, в комнату вбежал Артур с пакетом в руках и сказал Саре:

– Все утихло, Сара. Я тебя проведу домой, – и он протянул ей пакет, – это тебе и твоей маме.

– Что это? – Сара обомлела.

– Это еда для вас.

Тяжело вздыхая, рядом стояла мама Артура, и неодобрительно махала головой, глядя поочередно на мужа, сына, Сару.

– Я не возьму, – сказала Сара и положила пакет на стол.

– Нет возьмешь, – настойчиво заявил Артур, – буквально впихивая пакет ей в руки.

– Бери, бери, – великодушно объявила мама Артура.

В этот момент в комнату зашел отец и скомандовал Артуру:

– Пора. Я все проверил – никого!

Артур схватил Сару за руку и они направились к выходу.

Сара уже по дороге благодарила своих спасителей.

Дом, в котором жила Сара с мамой был совсем рядом, но преодолеть даже маленькое расстояние, после увиденного, было очень страшно.

Однако, на улице, как смело – ни души!

Артур и Сара прошли быстрым шагом расстояние до дома Сары, так ни с кем даже не встретившись, – все люди были напуганы и укрылись по домам.

– Мама, мамочка, – плача и причитая, Сара кинулась об-

нимать ее.

– Дочь, как ты? Где же ты была? – дрожа от приступа страха за свою Сару, прижимала к себе свою кровиночку, Эмма, вновь и вновь, как заведенная, находясь, все еще в шоковом состоянии, бубнила:

– Где же ты была? Где же ты была?

– Мамочка, я так боялась за тебя! Я только за водой вышла... Только вышла... А они налетели... А это Артур...

– А я уже все передумала, – рыдала мама.

– Не плачь мамочка! Не надо! Все хорошо!

– Да, да, моя радость, да мое солнышко!!! Все хорошо! Бог есть, бог есть! Бог есть... – Эмма не отпускала Сару из объятий, и совершенно не замечала Артура.

А Артур стоял у двери и радовался за них, за их счастливые лица.

Он улыбался, ему было хорошо.

Наконец, Сара положила на стол пакет с едой и сказала маме:

– Мама, это Артур. Он меня спас. Он спрятал меня у них дома, они тут рядом живут, ну ты знаешь – это их магазин мороженого.

– Спасибо, спасибо, – разглядывая Артура, повторяла мама. – Так это молодой Хельблинг? Проходите, что же вы стоите в дверях? Вы работаете у своего папы?

– А это еда, мамочка, – перебила маму немного возбуж-

денная Сара.

– Откуда?

– Это его семья собрала для нас.

– Не надо. – Эмма была через чур гордая женщина. Она даже в лице изменилась. Стала строгой, и недавняя улыбка благодарности мгновенно исчезла с ее лица.

– Берите, берите, мы от чистого сердца, – улыбаясь сказал Артур, и поспешил откланяться, пока мама Сары не всучила ему пакет в руки.

Напевая любимую мелодию, Артур шел домой и мечтал, мечтал..., вспоминал как нес Сару на руках, как близко они стояли друг к другу, прячась за дверью, как она лежала на его кровати.

И ему захотелось поскорее очутиться дома, улечься в кровать, где еще совсем недавно лежала прекрасная девушка его мечты.

Глава 4. Предписание

С каждым днем обстановка во Львове становилось все опаснее и опаснее, появляться на улицах города, особенно евреям было крайне нежелательно.

Но и эта предосторожность уже не особо могла спасти, особенно евреев.

Группы людей с оружием ходили по домам и сверяли списки живущих.

Евреев тут же уводили.

Польские власти не могли противиться бандеровцам, немцам.

Им было предписано отслеживать еврейские семьи и переселять их в подвалы, а все имущество конфисковывать.

Немцы вошли во Львов утром 30 июня 1941 года. Украинские националисты – фракция Бандеры в ОУН, тотчас же создали в городе свои органы власти и «украинскую народную милицию». Главой украинского правительства был Ярослав Стецько, который еще весной 1939-го опубликовал статью в газете «Новый путь», высказав свою позицию относительно евреев.

Стецько настаивал, что евреи – «шкурники, материалисты, эгоисты», «народ без героики жизни, без величественной идеи».

Зато украинцы, по словам Стецько, «первыми в Европе поняли разложенческую работу еврейства», и в результате отмежевались от евреев века назад, таким образом сохраняя «чистоту своей духовности и культуры».

«Москва и жидовство – самые большие враги Украины, – писал Стецько.

– Настаиваю на уничтожении жидов и целесообразности перенести на Украину немецких методов экстерминации еврейства, исключая их ассимиляцию».

Именно Стецько 30 июня 1941 г. зачитал акт провозглашения государственности, который украинские националисты называют Актом восстановления Украинского Государства: «Восстановленное Соборное Украинское Государство будет тесно сотрудничать с Национал-социалистической Велико-Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации.

Да здравствует Организация Украинских националистов, пусть живет Проводник ОУН Степан Бандера!»²

---

² <http://hi-lvov.narod.ru/LightboxImageSlideshow/eLvov.html>

В тот же день начался трехдневный еврейский погром, который был организован «украинской народной милицией» при попустительстве и подстрекательстве немцев.

Пришел черед и Сары с мамой.

Ранним утром в их дверь постучали.

Мама и Сара даже съежились от неприятного и требовательного стука.

Через минуту стук повторился и звучал еще более нетерпимо.

Почти сразу за дверью раздался голос:

– Открывайте. Городской совет.

И опять раздался стук.

Мама встала и медленно подошла к двери.

Сара прижалась к стене, тревожно провожая маму взглядом.

Эмма открыла дверь.

С ней вежливо поздоровались:

– Мадам Авербах, получите и распишитесь, вот здесь, – высокий мужчина в сером костюме ткнул пальцем в список.

Эмма взяла письмо на котором было написано, что оно из Горсовета, покрутила и вздохнула:

– Что это? – спросила она мужчину в сером, который, явно

был главным.

– Откроете и прочитаете.

Он снова ткнул пальцем в список:

– Распишитесь.

Сара краем глаза следила то за мамой, то за «длинным дядькой».

В воздухе стояло напряжение.

Эмма медленно расписалась и закрыла дверь.

Тишина действовала угрожающе. Сара быстро подскочила к маме и сказала:

– Давай уже, открывай.

– На, открой.

Сара читала предписание и слезы лились градом, капая на бумагу, ложась большими бесцветными кляксами.

Эмма смотрела в окно и молчала.

Шок!

А что дальше?

Предписание гласило, что они обязаны освободить квартиру в течении трех дней, и что их переселяют в подвальное помещение.

В этот момент опять раздался стук в дверь.

Сара вздрогнула, а Эмма решительным голосом спросила:

– Кто там?

– Эмма, это я – Мара, открой.

Эмма подошла к двери и отворила.

– Здравсьте! Эмма, кто это был? Зачем они к тебе приходили?

– Ой, и не спрашивай! Вот! – Эмма протянула соседке предписание.

Та быстро пробежала текст глазами и взмолилась:

– Боже ж мой, боже! – застонала Мара, – ну все, и к нам теперь скоро придут.

– Может и обойдется.

– Та где же там, каждый день, то одних, то других, то выселяют, то вообще, неизвестно куда уводят, – не унималась соседка.

Эмма тяжело вздохнула.

Сара сидела на краю дивана и смотрела то на маму, то на соседку напуганным взглядом.

– Слушай, Эмма, ты, если что, не переживай, мы тебе поможем.

В дверь опять постучали:

– Иду, – равнодушно и бесстрашно Эмма подошла к двери и открыла ее.

– Ну что тут у вас? – спросил сосед Эмму и тут же перекинулся на жену, – ты, Мара, как уйдешь, так уйдешь!

– Так ведь вот, смотри, у них предписание. Господи, что же это творится?

– Что это? – беря в руки бумагу, старенький сосед достал из кармана очки, надел и начал читать вслух предписание, постоянно мотая от возмущения, головой и вставляя, после каждого предложения, – ой-ой-ой! ах ты!

Сара тихо всхлипывала в объятиях мамы, Мара тоже не могла удержаться.

Старый сосед, решил немного разгрузить обстановку:

– Все, все! Ну-ка вытерли все слезы. Все образуется! Обязательно! Это недоразумение. Скоро советская власть наведет здесь порядок.

– А если нет, то что? Как же жить дальше? Как выжить в этом ужасе? Куда спрятаться от этих гадов? – запричитала Мара.

– Марочка, будем живы – будем что-то думать, а если кто-нибудь из нас умрет, то я скорее всего, уеду в Израиль... – попытался пошутить дедуля.

– Да отстань ты со своими шутками! Вечно их вставляешь куда надо и не надо!

Мара, не на шутку была взволнована, она очень хорошо понимала, что рано или поздно, придет и их очередь.

После обеда к Саре зашел Артур.

Он был одет очень галантно: чистая белая рубаша, черные,

хорошо сидящие на нем брюки, начищенные, и похоже, почти новые туфли, а прическа, старательно уложенная с идеальным пробором.

Сара рассказала ему про предписание, они сидели и рассуждали на животрепещущую тему.

Артур принес еду, которую, мама Сары всегда отказывалась брать, но Артур, оставлял пакет с едой на столе и после недолгой беседы с Сарой, уходил снова на работу в свой магазин.

Так и в этот день они уже прощались с Сарой, стоя на пороге квартиры. Он заботливо просил ее не выходить из дому, на улице очень опасно, банды свирепствуют и в этот момент послышался женский крик за дверью.

Было хорошо слышно, как, где то на нижнем этаже отчаянно кричала женщина и несвязно просила о помощи.

Артур открыл дверь и спустился на этаж ниже.
Плачущую женщину уже окружали соседи.
Он пытался понять что происходит.

Женщина рвала на себе волосы и показывала на открытую дверь в свою квартиру.

Артур посмотрел туда и увидел в глубине квартиры лежа-

щую на полу девушку, он догадался, что это мертвая девушка.

– Господи! Моя Розочка, моя девочка! Господи, господи! За что? А-а-а-а, помогите! Господи! Люди добрые, за что? За что??? – душераздирающие материнские слезы приводили в оцепенение всех окружающих.

Артур почувствовал за спиной легкое приказание, обернулся, это была Сара, в ее глазах застыл стеклянный взгляд.

Он приобнял ее и повернул лицом к себе:

– Тут девушка мертвая. Ты их знаешь? Я пока не понял, что произошло.

– Это мама Розы. А там Роза. Мы с ней учились.. Она была коммунистической активисткой. Ее что, убили?

– Да нет, – вступила в разговор пожилая дама, вытирая слезы, – Розочка покончила с собой.

– Как? Почему? – все еще не веря в происходящее, всхлипнула, Сара, закрывая лицо руками.

Эмма подошла к Саре и Артуру, от ужаса, она не могла отнять ладонь от лица, казалось, что ее парализовало:

– Какой ужас! Это же Роза, вы с ней учились, Сарочка!

На площадку собрались все соседи, историю передавали из уст в уста по несколько раз, несчастную женщину отпавляли успокоительным, весть мгновенно разлетелась по всему дому, все наперебой, говорили:

– Утром на нее напала толпа. Разъяренная толпа...

– Да, да, ее схватили и волокли по улице, прям за косы..
– А потом одна сволочь обрезала ей все волосы..
– Так ведь мало же было, потом, они ее еще и раздели до гола..

– До нитки все сняли, суки..
– Ой-ой-ой!!!
– Конец света! Что же это?
– Она так кричала, так молила ....
– А ее били и били, пинали, позорили...
– Потом сапогами начали пинать, она упала, уже не могла идти дальше, а эти гады все не унимались, тыкали ей в живот своими сапогами..

– Как же такое пережить?..
– Вот она и не пережила...
– Еле пришла домой, закрылась в комнате и покончила с собой..

– А-а-а-а – девочка моя, Розочка! – раздался страшный вопль матери.

Люди, как могли утешали ее, но такое горе, трудно пережить.

– Да, сегодня вообще был тихий ужас, – женщина в разорванном платье, показывала собравшимся свои раны и говорила, – я и не думала, что вырвусь оттуда. Так жестоко они били людей, так унижали...

– Я тоже видел, – сказал старый дед, – даже и не знаю, как меня не поволокли! Там маленькую девочку, лет тринадцати

так бил здоровенный бугай, все кричали, просили его уговориться, а он все свое «Раздевайся до гола». Так и разорвал на ней платье и куда-то поволок. А кто вступался, его тут же хватили и еще хуже того, прямо на глазах у всех портили...

– Ой, там одну беременную в живот сапогами пинали, ай-ай-ай..., и никто ничего не мог сделать.

– Они в основном еврейских женщин хватают.

– Не! Не только женщин. Я видел, как мужика одного публично раздели до нага и гнали по всей улице, при этом, как кобылу хлестали плетью по спине. Он весь в крови был.

– Что вы знаете, а на днях я видела, как молодую, может быть ей двадцать лет, раздели до гола и всунули в ее влагалище палку, так еще и заставили

шагать по всей улице мимо почты в тюрьму на Лонцкого – на работы ее увели.

– Ужас! Что творится? Что же будет?

– Страшно! Потешаются сволочи!

– А вон в пятом доме всю семью забрали, так и не знаю, как еще живыми они остались. Третьего дня был большой марш – гнали более триста человек по центру с поднятыми руками, а потом заставили их встать на колени и передвигаться так аж до тюрьмы. Некоторые сумели сбежать в переулки, а остальных так и погнали на коленях, поганя палками да плетью, даже стариков не пожалели.

– Мерзавцы!

– Скоты!

– Я тоже видела одного уroda, элегантно одетый в красивую вышиванку, он бил людей железной палкой с таким наслаждением!

– Да, эти твари на погром, как на праздник идут, даже парадные костюмы и галстуки надевают! А потом пинают ногами, при всем своем параде, самым жестоким образом, даже пожилых людей. Вон недавно нашего профессора запинали таки. Лежит весь в синяках.

– Да! И все это свои же! Вот гниды!

– Не говори, тоже мне украинская националистическая милиция! Хуже немцев!

– Немцы не вмешиваются, потому-что считают это актом самоочищения.

– Не вмешиваются, потому-что сами, наверное в шоке от зверств этих ублюдков. Да и зачем? Им то что?

– Там где им надо, очень даже вмешиваются. Вон недавно согнали народ на уборку после бомбежки, а моя соседка и вовсе должна убирать туалет какому-то немцу.

– Слушайте, а вы слышали, как в воскресенье согнали мужчин к озеру, заставили их заходить в воду по горло, а один немец топил их багром, а женщины стояли и плакали, кричали, но ничего не могли поделать?

– Да, слышали, уже весь город знает.

– А на Замарстыновской улице немцы все с фотоаппаратами бегали, снимали наших голых женщин.

– Это ж ужас! В самом центре города?

– Возле Оперы что лучше? Такое издевательство! Мужики, женщины, старики на коленях чистили улицу, а эти уроды, там ведь и женщины были! наслаждались таким зрелищем, обзывались и злорадствовали.

– Толпа, конечно жестокая!

– Слушайте, а поляков то тоже уже начали депортировать! Вон в соседнем доме, прямо насильно отправили куда-то под Варшаву.

Маленькая девочка, лет десяти, слушая всех дяденек и тетенок вдруг громко заплакала, и всхлипывая сказала:

– И я видела, когда мы с мамой на почту ходили, там сильно били людей, прямо лопатами, они были в крови, а плохие дяди кричали им «Юде! Юде!»

Мама обняла девочку и повела ее домой.

Долго еще народ стоял у двери несчастной женщины, утешали, предлагали помощь.

Эмма обняла крепко Сару и сказала:

– Умоляю, ни шагу на улицу, а если что, беги, прячься. Умоляю!

– Мамочка, – плакала Сара, – мне страшно!

Артур стоял рядом молча, не понимая, чем помочь, как помочь этим людям.

Он тоже и не раз слышал страшные истории про погромы, несколько раз и сам был их свидетелем.

Сейчас перед ним всплыла картинка того страшного дня,

когда он случайно наткнулся на полуживую, в разорванной одежде, женщину, которая была совершенно истерзана.

Артур только наклонился к ней, что бы помочь встать, как услышал жуткий окрик:

– Ну ка отойди, или и ты на своей шкуре все это испытаешь.

Перед ним стояли здоровенные мужики.

Один подошел к Артуру вплотную, взял, как щенка, за шкурку и отшвырнул в сторону.

Затем мужики, переговариваясь между собой, стали снимать с жертвы кольца, туфли и пихать по своим карманам, затем просто так, для своего развлечения, дорвали окончательно платье на ней, да так, что его клочки швыряли по сторонам.

Женщина стонала, просила пощадить, а эти мерзавцы гикали и плевали в нее.

Она лежала в одних чулках и нижнем белье.

Когда мужики ушли с награбленным, Артур подбежал к женщине и помог ей подняться.

Он снял свою рубаху, накинул на несчастную и проводил ее домой.

Новое жилище Сары и Эммы было сырым и убогим.

Кроме того, к ним подселили еще две молоденькие девушки.

Вход в подвал был завален отходами.

Эмма решила сразу расчистить проход.

Все принялись ей помогать.

Но, вдруг, они услышали женский крик а следом мужские крики и смех.

Эмма быстро скомандовала девочкам скрыться за дверью подвала.

В щель было видно, как из-за угла дома появилась женщина вся истерзанная, в нижнем белье.

На ней был только лифчик, пояс, который поддерживал чулки.

Даже обуви не было, она так и бежала в чулках с криками о помощи, а следом, погоняя ее палками и автоматами шли немецкие прихвостни и немцы, фотографируя свою жертву.

Они смеялись, цеплялись за резинки от ее чулков, натягивали их, а потом резко отпусками, затем раздавался дружный хохот.

Прогнав беднягу по двору, они направились по центральной улице с выстрелами и выкриками:

– Жиды! Не прячьтесь, мы сегодня добрые! Выползайте из своих нор!

Эмма с девочками долго еще не решались выйти даже во двор.

Еду, которую Артур приносил Саре и ее маме, они делили на четверых.

Эмма, чаще всего отказывалась от своей порции.

Она варила полугнилую картошку, которая еще осталась после зимы, и ела ее сама.

Жили с каждым днем все все хуже.

В повале было очень сыро, еды не хватало, выйти на улицу можно было лишь в темное время суток, и то боялись каждого шороха.

Но, выходить приходилось хотя бы за водой. Эмма это делала сама – берегла девочек.

И вот однажды...

...Было совсем тихо.

Только прошел дождик.

Эмма выглянула за дверь – все спокойно, полицаев не видно, вот и решила быстренько добежать до колонки, набрать воды.

На обратном пути, за пару шагов до ее дома, вдруг из-за угла появились два полица, одетых в черную форму с белыми повязками на рукавах.

Они крикнули командным тоном:

– Стой.

Эмма, от растерянности выпустила ведро с водой из рук.

Стало страшно, не за себя, за дочь.

В голове в одно мгновение пронеслось множество страшных картинок.

Эмму мучили мысли «Что же будет с дочерью?»

Полиции медленно и вольяжно подошли к Эмме, разглядывая ее с ног до головы.

В это время, Сара и девочки смотрели через дверную щель за происходящим.

Сара, чуть не бросилась к маме, но соседки вцепились в нее:

– Сара! – шептали они наперебой, – не вздумай, ты ничем не поможешь, а маме даже легче будет без тебя выпутаться как-то, может еще все обойдется.

Сара дрожала, из глаз текли слезы, она с дикой силой сжала кулаки и шептала:

– Мамочка, мамочка, мамочка...

Полиции приказали Эмме идти за ними, сказали, что только зарегистрируют и отпустят.

Эмма попыталась объяснить им, что это какое-то недоразумение, ее уже зарегистрировали и даже выделили жилье, вместо ее квартиры.

Но, один из полицейских, стал выходить из себя.

– Ты слышала приказ?

Эмма поняла – малейшая зацепка, и с ней будет другой разговор, поэтому не стала перечить.

Она медленно пошла вперед, краем глаза поглядывая в сторону двери.

Она знала, там, за этой дверью ее доченька, смотрит в щель и ей больно и страшно, и ничего поделать невозможно.

В этот момент и Эмма и Сара хорошо понимали – вот он первый шаг к гибели.

Все чувствовали свою беспомощность перед этими вооруженными людьми.

Сара плакала.

Девочки обняли ее и тихо успокаивали.

Эмма шла между полициями, и точно понимала, что ее ведут в фашистский лагерь уничтожения.

Так и было.

Ее привели на сборный пункт, о котором все хорошо слышаны.

Людей было очень много.

Эмму подвели к немцу с автоматом, в наброшенной на военную форму, шубе.

Он приказал Эмме идти за ним.

Она с ужасом наблюдала картину сортировки людей.

Молодых и здоровых в одну сторону, женщин и детей в другую, а с больными и вовсе не церемонились, при малейшем подозрении на болезнь, немцы их сразу расстреливали.

Немец показал Эмме на скопление людей и подтолкнул ее туда.

Там раздавали еду.

Эмма подошла к последнему, стоящему в очереди за баландой.

Она слышала голоса людей, но мысли ее были там, где ее дочь.

«Что ее ждет? Как это все вынести?»

Эмме швырнули миску с гнилой баландой, и только от этого резкого зловонного запаха, она на время очнулась.

По слухам уже вечером всех отобранных со сборного пункта доставят на железнодорожный вокзал а оттуда повезут по направлению к Германии.

Охрана была серьезная и все вооружены.

Эмма ломала голову, как же ей передать весточку дочери.

Конвоиры были в немецкой одежде, но говорили по-русски.

Разглядев в одном из конвоиров бывшего соседа, Эмма решилась к нему подойти.

– Степан! Вы помните меня?

– И шо? – грозно прорычал Степан.

– Я вас очень прошу, помогите мне бежать.

– Ты сдурела, баба! – прошептал он, проведя глазами из стороны в сторону.

– Степан, помоги! – взмолилась, Эмма.

– А ну, пошла отсюда, пошла, пошла!

Он ткнул ее дулом автомата в бок и тихо в затылок шепнул, уводя подальше от любопытных глаз и ушей:

– Я ничего не могу. У меня тоже семья. Нас всех порешат.

– Степан, Степан! Молю, ты же знаешь, у меня дочь – она совсем одна. Что с ней будет?

– Да не знаю я как тебе помочь, не знаю! Вот взялась на мою голову.

– Прошу, пожалуйста!

– Да, да, но что я могу сделать? Как ты себе это представляешь? А что если поймают – убьют ведь! А так, может еще все обойдется. Терпи.

– Степан! Что будет с нами?

– Сегодня ночью всех евреев отправляют в Германию в Гетто. А там, я слышал, и кормят лучше и работа не тяжелая.

– Что же будет с Сарой?

А в это время, девочки утешали Сару:

– Скоро придет Артур, он что-нибудь придумает. Не плачь, Сара. Вот увидишь, тетя Эмма вернется.

– У меня такое чувство, что мама уже никогда не вернется, – простонала, Сара.

Девочки замолчали, ведь они хорошо понимали, что это так и есть.

Если кого забирали, то уже никто не возвращался.

Вечером, пришел Артур, как обычно, принес еды и узнал ужасную новость о маме Сары.

Шел день за днем, Артур и его родители пытались узнать хоть что-нибудь об Эмме, но тщетно.

Эта неизвестность просто убивала Сару.

Участились облавы.

Сара теперь и вовсе не появлялась на улице, а жизнь в сыром подвале, сильно подорвала ее здоровье.

И вот пришел день страшного известия для Сары.

По всему городу прошел слух о том, что всех, недавно отправленных в гетто евреев, куда попала мама Сары, удушили газом.

Согнали в один большой барак и удушили.

Это известие пришло через полицаев.

Услышав это, Сара потеряла сознание.

Артур, стал трясти ее и приводить в чувство. На мгновение она открыла глаза, а потом снова провалилась в забытие. Артур схватил ее на руки и выскочил на свежий воздух.

Моросивший дождь и свежий воздух, быстро привел Сару в чувство.

Артур держал ее на руках, как маленькую девочку, прижимая к своей груди и баюкая.

– Милая, Сарочка, мне очень жаль, очень, очень жаль. Я не знаю что сказать. Наверное нет таких слов, которые могли бы тебя успокоить. Это страшная боль, я ее чувствую, и знаю, что тебе в сотни раз больнее и невыносимее. Я только хочу, что бы ты знала, я тебя не брошу, я всегда буду с тобой. Я всегда буду заботиться о тебе.

Дождь становился все сильнее, даже начал, как-то зловеще барабанить по крышам, асфальту, набирая силу и мощь.

Альберт склонился пониже над лицом Сары, что бы капли дождя не попадали на нее, но усиливающийся дождь, стекал по голове и волосам Артура, попадая все же на Сару.

В окне, напротив, сплошным потоком, катились слезы по лицу мамы Артура, наблюдавшей за этой сценой.

Рядом стоял отец и утешал ее.

Они хорошо понимали, как близко подкрадывается к ним беда.

Сара закашлялась, и Артур поспешил обратно отнести ее и уложить под одеяло.

Он нежно положил ее в постель и бережно укутал, присев рядом, у ее ног.

– Сара, послушай меня, ты не можешь больше здесь оставаться.

– А что же мне делать? Что же теперь делать?

– Сара, я прошу тебя, идем к нам, там для тебя безопаснее.

– А как же?.. – она посмотрела в сторону девочек-соседок.

– Им ничего не грозит. Я буду приносить им еду. Их не заберут. Ты же знаешь, забирают только евреев, да и то, советских.

Глаза Сары не просыхали от слез.

– А вдруг мама спаслась? Она вернется, а меня нет. Она не будет знать...

Сара сама не верила в то, что говорит, но говорила, что бы оставить хоть какую-то маленькую надежду себе на связь с мамой.

Артур молчал.

Он хорошо знал – выживших нет.

Но, как он может это сказать сейчас, и без того обессиленной, Саре.

Он просто молчал. В горле стоял ком.

Все, что он мог, это гладить ее руку, гладить и говорить с ней глазами.

Ах, как хорошо и правильно умеют говорить глаза, намного правдивее, чувственнее любых слов!

И она читает в глазах этого удивительного и преданного парня, неподдельную любовь к ней!

Наступили сумерки.

Артур вышел на улицу – ни души.

Вернулся, взял Сару за руку и повел ее к двери.

Сара, последний раз, оглядела комнату, посмотрела на скудный запас вещей, напоминавших ей о маме и прошептала:

– Мамочка, я знаю, ты бы этого хотела больше всего – в семье Артура я в безопасности.

Они попрощались с девочками.

Глава 5. Семья Хельблинг

Сара стояла на пороге, не только нового пристанища, но и на пороге новой жизни.

Артур с родителями и братом Филиппом жил в двух-этажном очень красивом и добротном доме, с вензелями и старинным архитектурным дизайном.

Когда-то, совсем еще недавно, в спокойные времена, на двери их дома была помещена Мезуза – Писание, что означало, что его обитатели принадлежат к иудейской вере и что их дом посвящен служению Богу.

Теперь же так откровенно, никто не решался показывать свою принадлежность.

Это же касается и ермолки (кипы) – черные шапочки, которые мужчины этого дома, ранее носили, и дома и в своем магазине, а теперь – только дома, среди своей семьи.

Вместе с ними жили кузены Артура – Михаил и Семен, дети маминой сестры.

Они работали в семейном бизнесе отца Артура и Филиппа на заводе по производству мороженого «Пингвин».

На первом этаже особняка Хельблингов был производственный цех и магазин.

Завод приносил семье большую прибыль.

Мороженое «Пингвин» фирмы Хельблингов знали и любили далеко за пределами Львова, так как их продукция на «Ура» пользовалась спросом по всей области.

На втором этаже была квартира, где жила вся семья.

Много комнат, со вкусом и дорого обставленных, большая гостиная, и есть даже гостевые комнаты, а так же самое главное – огромная и удобная кухня, где искусно ворожит хозяйка, ибо еврейские законы о питании отличны от того, что принято у других народов.

И чтобы питаться, согласно Закону, необходимо приложить немало усилий.

Тора гласит о соблюдении этих законов, и очень четко: они нужны, чтобы «вы могли отличить священное от несвященного и нечистое от чистого».

Не всякое мясо и не всякую рыбу можно есть в приличной еврейской семье – этот закон прививается еврейским детям с пеленок.

Кашерность – это чистота!

И не только с точки зрения гигиены.

Это большая наука, которой еврейский народ старается придерживаться всю жизнь.

Как-то однажды маленький Артур пошел с мамой на базар за мясом.

Он очень любил эти походы на базар.

Там всегда так шумно, весело.

Отовсюду смех, музыка.

А вон две соседки стоят посередине базара, им наплевать, что их люди обходят, стоят себе судачат:

– Била у Леши, та вон там, за углом, купила два кило синих, сделаю рагу... Кило бичков: старшеньких пожарю, а младшеньких отварю на юшечку...

А у того прилавка толстая тетя пристала к мяснику, она разглядывает говяжьи мозги, лежащие на прилавке:

– Что у вас сегодня свеженького?

– У нас сегодня свеженькое – Я!!!

– А по чём у Вас этот говяжий ум?

– Без установки – по семь!

Мимо проковылял, явно чем-то расстроенный старый дед, чертыхаясь на каждом шагу:

– А чтоб за меня горе так забыло!!!

И такой каламбур, как по кругу – голоса, голоса, голоса: «Белла Соломоновна, где Вы пошли?», «Мадам, их давно уже пора продать!», «Сара! Тебе не холодно в ногах?»...

– Мадам, смотрите, какой у меня товар! – пристал мясник к маме.

– Не, не, не надо.

– Люди, имейте совесть, покупайте хоть что-нибудь! – орет на весь базар мясник всем прохожим.

Мы идем дальше.

– Мама, а почему ты всегда покупаешь мясо у дяди Леши? Смотри сколько мяса продают другие!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.